иных формах собственности в порядке и на условиях, предусмотренных законами Российской Федерации и Республики Коми.

Республики в составе Российской Федерации наделены правом участия в международных отношениях и внешнеэкономических связях, подписывать международные договоры и соглашения, участвовать в деятельности международных организаций, открывать зарубежные представительства. Однако, международная правосубъектность республик является ограниченной по сравнению с правосубъектностью суверенных государств.

В статье 6 Конституции Татарстана конкретизировано, что Республика Татарстан в пределах своих полномочий вступает в международные и внешнеэкономические связи с субъектами и административно-территориальными образованиями иностранных государств, иностранными государствами, заключает международные соглашения, обменивается представительствами, участвует в деятельности международных организаций. Согласно ч. 2 ст. 13 Конституции Бурятии Республика Бурятия обладает правом на осуществление международных и внешнеэкономических связей в пределах полномочий, предоставленных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и законами Республики Бурятия.

Республики в качестве государственных символов, отражающих самобытность и исторические традиции народа (народов), населяющих ее территорию, устанавливают государственный герб, государственный флаг, государственный гимн, а также столицу.

Республики вправе решать вопрос об изменении своего наименования. Изменения наименования республики включаются в текст статьи 65 Конституции Российской Федерации указом Президента Российской Федерации на основании решения субъекта Российской Федерации, принятого в установленном им порядке.

Таким образом, статус республики в составе Российской Федерации близок по формальным признакам к статусу государства, однако таковым не является в силу отсутствия суверенности. Особый правовой статус республик в Конституции Российской Федерации призван обеспечить в первую очередь национально-культурную автономию данных субъектов, нежели обозначить их независимую государственность.

1. Конституция Российской Федерации. – М. 2021.
2. Бредихин А.Л. Основы российского федерализма: учебное пособие для вузов/ А.Л. Бредихин. – Москва: Издательство Юрайт, 2021.

Бурносова Ю.Л.

Значение правила непосредственности в справедливом уголовном судопроизводстве

*Смоленский областной суд
(Россия, Смоленск)*

doi: 10.18411/trnio-10-2021-115

Аннотация

Статья посвящена понятию правила непосредственного исследования доказательств по уголовным делам в суде первой инстанции. Анализируются требования к справедливому судебному разбирательству, роль и значение правила непосредственности, приводятся позиции ученых, Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека.

Ключевые слова: правило непосредственности, Конвенция по правам человека, ЕСПЧ, справедливое судебное разбирательство, предмет судебного разбирательства, состязательность, равенство сторон.

Abstract

The article is devoted to the concept of the rule of direct examination of evidence in criminal cases in the court of first instance. The requirements for a fair trial, the role and significance of the

rule of immediacy are analyzed, the positions of scientists, the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights are presented.

Keyword: rule of immediacy, European Convention on human rights, European court of human rights, fair trial, subject of the trial, competitiveness, equality of the parties.

Непосредственность судебного разбирательства в качестве общего условия этой стадии уголовного судопроизводства регламентирована в статье 240 УПК РФ. Следует отметить, что здесь, в отличие от аналогичной статьи УПК РСФСР 1960 г., законодатель впервые допустил возможность отступления от требования непосредственности, указав «за исключением случаев, предусмотренных разделом X». УПК РСФСР 1960 г. в аналогичной ст. 240 такого исключения не допускал. Законодатель расширительно трактует правило «непосредственное исследование доказательств». В это понятие он включает все доказательства, которые подлежат исследованию, как первоначальные, так и производные. Однако их роль в доказывании весьма различна. Указанная широкая трактовка законодателем правила непосредственности исследования доказательств на практике порой приводит к тому, что процедура судебного разбирательства в значительной своей сути сводится к ритуалу оглашения материалов уголовного дела, составленных следователем [1]. Отмеченное нарушает права на процессуальное равенство сторон в судебном процессе, права обвиняемого, не признающего вину, задавать вопросы показывающему против него свидетелю [2]. В современной уголовно-процессуальной литературе справедливо отмечается, что формулировка данной статьи не выражает четко самой сути рассматриваемого понятия [3].

Мы считаем, что говорить о непосредственности исследования доказательств можно только тогда, когда, при допросе потерпевшего, свидетеля, подсудимого, специалиста, эксперта, принимают участие стороны, они могут участвуя в допросе, задавать вопросы допрашиваемым лицам, выяснять важные для них детали. В тех же случаях, когда происходит оглашение протоколов осмотра, обыска, выемки, имеет место не исследование доказательств, а всего лишь ознакомление с ними.

Следует признать, что предметом непосредственного исследования доказательств в суде является регламентированная законом процедура производства судебных действий, позволяющая сформировать целостное представление о содержании имеющихся доказательств и, на этой основе, получить обоснованное внутреннее убеждение судьи по обстоятельствам, подлежащим доказыванию.

Следовательно, непосредственность - это правило уголовного судопроизводства, согласно которому неизменный состав суда, путем личного восприятия в ходе состязательного судебного разбирательства, в устной форме исследует представленные стороной обвинения и защиты доказательства с участием подсудимого, его защитника, государственного обвинителя, других участников уголовного судопроизводства, для принятия законного, обоснованного и справедливого итогового решения по уголовному делу на основании сложившегося объективного внутреннего убеждения.

Непосредственность выполняет важную роль в познавательной деятельности суда, обеспечивая состязательность производства. Стороны в состязательном процессе ставятся перед необходимостью представления суду доказательств, непосредственного исследования их перед судом, в том числе и использования перекрестных методов допроса, отстаивания своей процессуальной позиции путем взаимной критики и аргументированного опровержения выводов противной стороны. Целью процессуальной деятельности каждой из сторон является доказывание суду правильности своих мотивированных выводов на основании представленных доказательств. Окончательный судебный акт выносится, когда у судьи сформировалось стойкое внутреннее убеждение и исследованные фактические обстоятельства уже не могут быть поставлены под сомнение.

Европейский суд отмечает, что для итоговой оценки доказательств он обычно применяет стандарт: «вне всякого разумного сомнения» [4].

В тех случаях, когда в ходе судебного следствия стороны активно представляют свои доказательства и взаимно их оспаривают, имеет место состязательность сторон. В такой ситуации в задачу суда входит создание необходимых условий для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Так как стороны обвинения и защиты равноправны перед судом (ст. 15 УПК РФ). В этом случае непосредственное исследование всех доказательств является важным средством устранения сомнений и неясностей.

Но если стороны или одна из сторон не проявляет требуемой активности, а у суда после исследования имеющихся доказательств не сложилось однозначной позиции относительно виновности (невиновности) подсудимого, т.к. внутренне убеждение судьи основывается на совокупности всех имеющихся в уголовном деле доказательств, а их явно недостаточно, как следует поступить суду? С одной стороны, суд может вынести оправдательный приговор, основываясь на положениях презумпции невиновности. Но является ли анализируемая ситуация неустранимой или имеет место недоброкачественная работа сторон по собиранию доказательств? Будет ли в этом случае приговор законным, обоснованным и справедливым? Имеет ли право суд по своей инициативе активизировать работу по получению новых доказательств по рассматриваемому уголовному делу? Мы считаем, что не только имеет, но и должен. Активность суда необходима не только для обеспечения сторонам подлинно равных возможностей в отстаивании своих позиций, но и для осуществления работы, направленной на получение новых доказательств, что гарантирует вынесение судом законного, обоснованного и справедливого приговора, основанного на непосредственном исследовании всех имеющихся и представленных доказательств.

Непосредственность исследования доказательств обеспечивает выполнение такого необходимого процессуального требования, как справедливость судебного разбирательства. УПК РФ не регламентирует понятие «справедливое разбирательство». Чтобы разбирательство было признано справедливым, как того требует п. 1 ст. 6 Конвенции, суд должен надлежащим образом изучить замечания, доводы и доказательства, представленные сторонами, без предвзятости при оценке их применимости к его решению. При этом равенство сторон в судебном разбирательстве следует оценивать не как равенство процессуальных обязанностей, так как бремя доказывания лежит лишь на стороне обвинения, а как равенство прав в исследовании доказательств. На стороне обвинения лежит обязанность представить суду не только обвинительные доказательства, но и доказательства, подтверждающие обстоятельства, смягчающие наказание, а также исключаящие преступность и наказуемость деяния, что вытекает из статьи 73 УПК РФ. Позиция стороны обвинения об убедительности представленных доказательств должна восприниматься судом лишь как вероятная, всего лишь как версия обвинения. Аргументированное изложение стороной защиты собственной позиции и контраргументов может ее поколебать, вызвать определенные сомнения, показать ее юридическую несостоятельность.

Анализируя понятие «справедливости судебного разбирательства» на основе исследования судебной практики и решений Европейского Суда по правам человека, Л.А. Воскобитова обоснованно пришла к выводу о необходимости формирования нового представления о предмете судебного разбирательства. Представление о пределах судебного разбирательства, согласно которому «судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению» (ч. 1 ст. 252 УПК РФ), приводит к явной недооценке с позиций процессуальной справедливости, заявлений и аргументов стороны защиты. Справедливость судебного разбирательства предусматривает принципиально другой подход к определению объема судебного исследования: акцент делается не столько на оценку достаточности доказательств, подтверждающих обвинение, сколько на внимательное исследование и мотивируемую оценку возражений и доводов защиты» [5].

Суд не должен ориентироваться только на исследование предъявленного обвинения и, даже при его внешней убедительности, демонстрировать недоверие к заявлениям и аргументам стороны защиты. В подобных случаях неизбежно возникают сомнения в беспристрастности суда.

ЕСПЧ справедливо обращает внимание на недопустимость игнорирования ходатайств стороны защиты о приобщении новых материалов к уголовному делу или допросе определенных лиц в качестве свидетелей и отказе суда в этом, даже тогда, когда по формальным признакам такие доказательства признаются недопустимыми, не отвечающими требованию действующего законодательства, без непосредственного исследования содержания их информации, которая предлагается защитой. В этом случае суд лишается возможности проанализировать аргументы ее оспаривания и оценки при принятии итогового решения. Происходит нарушение требования о всестороннем, полном и объективном непосредственном исследовании представленных стороной защиты доказательств в ходе судебного следствия, что вызывает сомнения в справедливости и объективности судебного процесса [6].

Исходя из изложенного, очевидно, что ч. 1 ст. 252 УПК РФ нуждается в существенном редакционном изменении. Ее основой должно стать положение о том, что судебное разбирательство проводится с целью непосредственного исследования позиций сторон, представленных ими доказательств, анализа доводов и аргументов.

1. Власова С.В., Балалаева М.В. Современный правовой формат судебного следствия // Проблемы правоохранительной деятельности. № 3. 2016. С.59.
2. См. подробнее: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 21 от 27 июня 2013 г. «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней».
3. Мезинов Д.А. О проблемах реализации начала непосредственности судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2008. № 4 (17). С.178.
4. См. Постановление ЕСПЧ по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (Ireland v. United Kingdom) от 18 января 1978 г. Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Допустимость доказательств в уголовном процессе: стандарты ЕСПЧ и судебная практика. Научно-практическое пособие. М. 2016. Издательство: «Право». С.204-205.
6. См. постановление ЕСПЧ по делу «Видал (Vidal) против Бельгии» от 22 апреля 1992 г. № 12351/86, п. 18, 20. Доступ из справ. - правовой системы «КонсультантПлюс».

Бялт В.С., Чимаров С.Ю.

Служебная проверка как стадия дисциплинарного производства на государственной гражданской службе Российской Федерации

*Санкт-Петербургский университет МВД России
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/trnio-10-2021-116

Аннотация

Статья посвящена исследованию актуальных проблем в сфере нормативного правового регулирования и правоприменительной практики при привлечении государственных гражданских служащих к дисциплинарной ответственности. Авторами сформулировано и обосновано предложение, связанное с необходимостью принятия нормативного правового акта, посвященного регулированию правоотношений при проведении служебной проверки в отношении государственных гражданских служащих.

Ключевые слова: служебная проверка, дисциплинарное производство, дисциплинарная ответственность, государственная гражданская служба.

Abstract

The article is devoted to the study of current problems in the field of regulatory legal regulation and law enforcement practice in bringing state civil servants to disciplinary